

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн обложки *А. Рысухиной*
Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Умри, богема! : [роман] / Анна Данилова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-112583-7

Для одинокой Лары труппа родного театра — единственная семья. Но в семье, как говорится, не без уroda, и вот уже самая настоящая трагедия разыгрывается не на сцене, а за кулисами. Актрисам кто-то подливает смертельный яд, супругу режиссера выбрасывают из окна, прима получает удар ножом — и всякий раз где-то рядом находится сама Лара. Может, охотятся именно за ней? Но кто и почему? Возможно, разгадку подскажет письмо французского нотариуса, сообщающего об оставленном Ларе наследстве...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112583-7

© Текст. А. Дубчак, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

1

Точно не могу сказать, когда я решила записывать все то, что происходит со мной и вокруг меня, возможно, когда мы вернулись с кладбища, и я вдруг ощутила, как страшно жить на этом свете и как много зла вокруг. И зло это — неузнаваемо, как человек с ножом за спиной, готовый всадить его в тебя без всяких объяснений. Нам всегда кажется, что все страшные вещи обойдут нас стороной. Так уж устроен человек. Всегда надеется на лучшее. Иначе жить-то как? Постоянно оглядываясь и думая о том, кому ты мог помешать жить? Кто боится тебя? Кому ты сделал что-то такое, непоправимое, за что ты должен быть наказан? Хотя иногда люди убивают друг друга из-за пустяков, из ревности или зависти, к примеру. Когда можно как-то пережить все это, переболеть, но человек на эмоциях берет в руки пузырек с ядом... Брр... Теперь, когда слышу слово «яд» или думаю об этом, всегда представляю себе мою подругу, корчащуюся на полу в кровавой пене... Или когда произносят слово «гримерка», возникает та же самая ужасная, страшная картина!

Мы все догадались, что ее убили из ревности, но, наверное, никто толком не смог понять глубину чувств убийцы. Ну да, ревность, и что? Все друг друга ревнуют, страдают, но все равно — эта боль не смертельная. Так подумали, полагаю, все, кто либо пережил похожие чувства и успел от них оправиться, либо не ревновал вовсе. И я тоже поначалу решила, что убийца просто не справился со своим страданием, отравил Галю, находясь в невменяемом состоянии. Я даже успела презирать того, кто это сделал. Может, ее бывший муж или любовник, имени которого никто из ее окружения не знал (хотя скрыть любовную связь в стенах театра, на мой взгляд, просто невозможно). И только позже, буквально через пару дней после похорон, со мной случилось то, что случилось и с убийцей, — я сама заболела ревностью.

Мой гражданский муж, Игорь, с которым мы прожили вместе последние два года, не выдержал моей «скупости» и «прижимистости» (это его слова, кстати говоря) и предложил мне «свободные отношения». Пишу в кавычках, потому что для меня эта фраза означает просто необузданный, неконтролируемый самим человеком блуд. Я не ханжа, у меня были любовники, но если уж встречаюсь с одним мужчиной, то с другим постель делить не стану. К тому же мы с Игорем на самом деле жили вместе, правда, в моей квартире.

Я не актриса, я вообще нигде не работаю и живу на средства, оставленные мне моим покойным мужем, но это не означает, что я должна

тратить эти средства на мужчину, который полагает, что и он тоже может не работать и сидеть на моей шее. Поэтому я всего лишь предоставила Игорю крышу над головой и кормила его. Все. Я не покупала ему одежду, не водила его в рестораны. Я хотела дать ему самому возможность как-то устроиться в этой жизни, обрести себя. Однако он не понял меня и, вместо того чтобы сказать мне прямо, мол, Лара, я ухожу от тебя, потому что нашел другую женщину, которая не станет держать меня в черном теле и купит мне наконец машину, придумал эти «свободные отношения». Он не так глуп, подумалось мне тогда, когда он сообщил мне об этом своем решении. Под свободными отношениями (или свободной любовью) он понимал возможность встречаться с разными женщинами, оставляя для себя право в случае неудачи вернуться ко мне — в мою квартиру, чтобы согреться и хотя бы просто поесть.

Все, что я сейчас написала, звучит как-то не очень эмоционально, ну, ушел от меня мужчина, которого я не любила, но к которому привязалась, подумаешь. Но на самом деле, когда за Игорем закрылась дверь и я услышала, как он с двумя чемоданами спускается на лифте вниз, где уже ждет такси, чтобы отвезти его к другой женщине, мое сердце чуть не разорвалось. Я стояла в прихожей и не могла пошевелиться! Мне не хватало воздуха. Мне было очень плохо. Я ментально постарела. Я и без того не юная девушка, мне уже целых тридцать два года. И хотя выгляжу молодо, я-то знаю, что мне не двадцать.

Так вот, когда я поняла, что меня попросту бросили, я мысленно покрылась морщинами и поседела. Мне вообще часто снится, что я старею. Причем я вижу эти перемены — увядающую прямо на глазах кожу, становящуюся сухой и покрывающуюся морщинками, седеющие волосы... Это страшные сны.

К кому мог уйти мой Игорь? Либо к богатой старухе, которая завалит его подарками и купит ему машину, либо к молодой девчонке, родители которой переводят ей на банковские карты сотни тысяч рублей. Вряд ли он променял меня на женщину скромного достатка или без собственного жилья. Так вот. О ревности и сильных чувствах. Когда я только представила себе его рядом с другой женщиной, то мне реально захотелось причинить им обоим вред. Я словно видела в своей руке нож. Или же мысленно подливала им в вино (сама не знаю почему, но воображение мое рисовало хрустальные высокие бокалы с красным вином) яд.

Да, я, нормальная женщина, вполне себе адекватная, хотела их убить. Лишить жизни. Меня трясло при мысли, что Игорь променял меня на кого-то другого. Ведь его уход мог означать только одно — он никогда не любил меня. Да, понимаю, я не самая красивая женщина, может, и не очень интересная, да и характер у меня, прямо скажем, не сахар. И мужчина может с легкостью променять меня на другую, более красивую и приятную. Но зачем же тогда было мне лгать, говорить о любви? Получается, что я, как и мил-

лионы обманутых женщин, попалась на ложь, как дурочка? Выходит, я поверила Игорю, когда он сказал, что по-настоящему любит меня и даже хочет от меня ребенка! Вот просто ушами поверила и впустила эту ложь в сердце. Что хотела услышать, то и услышала. Вернее, мужчина, знающий, что я хочу услышать, произнес это вслух, как это делают мужчины по всему миру. Получается, что я действительно дура! Вот этого я не могла ему простить. Того, что он принял меня за идиотку, развесившую уши.

Получается, если Галю убили из-за ревности, значит, тот, кто это сделал, страдал невыносимо от схожих чувств — не мог вынести, что его бросили, предали, решили, что с ним можно поступить вот так гнусно.

Коньяк в гримерку принесла я. Это было поздно вечером, после спектакля. Я тогда весь день маялась, потому что Игорь впервые не пришел домой ночевать. Трубку не брал, отправил мне эсэмэску, что, мол, переночует у друга. Такое случилось впервые, и я не знала, как к этому отнестись, как это пережить. Поэтому еще задолго до спектакля позвонила своей подружке — актрисе Марине Тряпкиной (она несколько раз собиралась поменять фамилию, но наш главреж всякий раз отговаривал ее от этого, уверяя, что фамилия хоть и не очень-то красивая, зато запоминающаяся). Я сказала Марине, что хочу выпить. Всегда, когда я это говорила, она произносила только одно слово — приходи. Это означало, что я могу

завалиться к ней в гримерку после спектакля, где мы с ней вдвоем или в компании других наших подружек разопьем бутылочку-другую.

Я тоже когда-то служила в этом театре актрисой. Играла только второстепенные роли, хотя все считали меня талантливой. Снялась в парочке сериалов, где играла некрасивых стерв-разлучниц. Вот правда говорят, что стоит один раз сыграть стерву, причем сыграть хорошо, как тебя потом даже на кастингах будут воспринимать исключительно как стерву. С одной стороны, по большому счету, так сказать, это плохо. Все-таки хорошо, когда в тебе видят актрису разноплановых ролей. Но зато я почти три года снималась в этих двух проектах и заработала хорошие деньги. Конечно, если бы я в свое время не вышла замуж за моего Ванечку (пусть ему будет земля пухом) и считала бы копейки, как многие наши актрисы, то участие в сериалах сделало бы меня на какое-то время счастливой, избавило бы от многих проблем. Но так уж сложилось, что я, придя в театр совсем юной, но уже замужней и богатой девушкой, сразу же как-то настроила всех особ женского пола против себя. Да-да, некоторым завидуют из-за их красоты, а мне — из-за мужа и денег. Думаю, все в театре успокоились, когда мне стали поручать роли самых некрасивых и даже уродливых персонажей. Причем, чтобы играть некоторые подобные невыигрышные роли, мне не особенно-то и требовался сложный грим — говорю же, я не красавица. Одни торчащие уши чего стоят! Хотя, если уложить правильно воло-

сы, прикрыв уши, припудриться-подкраситься как следует, одеться, то в меня и влюбиться можно, так всегда говорил мой Ванечка, моя любовь, балагур, весельчак, которого мне так не хватает!

Так вот, может, участие в сериалах и не сделало меня финансово благополучной, зато я примелькалась на экране, что было тоже приятно. Меня стали узнавать на улице, брать автограф. Может, я и дальше продолжала бы сниматься, тем более что приглашения поступали, хотя я и перестала ходить на кастинги, если бы не внезапная смерть Ванечки. Его предала печень. Кажется, она разложилась внутри него, человека непьющего, задолго до его смерти... И вот на какое-то время все потеряло смысл. Я не могла выйти на сцену, чтобы проигрывать другие жизни. Мне надо было как-то справиться со своей. Сначала я решила просто взять паузу в театре, чтобы прийти в себя и решить, как мне дальше жить. Потом стала готовить себя к тому, чтобы взять сиротку из детского дома — детей я Ванечке так и не подарила. Но когда я поняла, что пока не готова к этому, что просто не знаю, как воспитывать ребенка, словом, когда я по-настоящему испугалась ответственности за другую жизнь, тогда и познакомилась с Игорем. Влюбилась, ушла из театра и попыталась просто жить. Все дела строительных фирм, которыми владел мой муж, я поручила вести его заместителю. Мои интересы защищала команда опытных юристов. Словом, в этом плане я чувствовала себя более или менее защищенной,

деньги текли на мои счета, я была спокойна. Но вот с личной жизнью, как мне тогда казалось, возникли проблемы — я постоянно сравнивала Игоря с Ваней. И Ваня, которого уже не было, всегда оказывался на тысячу пунктов выше Игоря. Ваня был большим умницей, и это сказывалось не только на его бизнесе и умении вести дела, но и просто в жизни. Казалось, он все понимал, и вообще, с ним было легко и просто. Кроме того, он не был эгоистом или лентяем. А вот Игорь был бездельником, шалопаем и вообще глуповатым, недалеким человеком, о чем я ему, причем не всегда тактично, частенько говорила. Говорю же, характер у меня сложный. Ну не могу я сдержаться, когда хочется выдать человеку прямо в лоб всю правду. Может, от этой самой правды он и сбежал от меня?

Словом, после бессонной ночи, когда он так и не приехал домой, я позвонила Марине, разбудив ее, и сказала, что хочу заглянуть к ней вечером.

— Приезжай! — пробормотала она сонным голосом.

Она знала, что моему приезду обрадуются все наши, кому после спектакля не к кому идти, кого дома не ждут. Наши посиделки в гримерке — это как праздники. И пусть не совсем радостные, потому что зачастую заканчиваются пьяными слезами. Зато наши девушки знают, что у меня во время таких вот вечеринок можно занять деньжат до зарплаты, да к тому же еще выпить хорошего коньяку, не говоря уже о закуске.

Конечно, я целый день ждала, когда же объявится Игорь. Я уже представляла себе, как буду дуться на него до вечера, а потом, нарядившись, отправлюсь в театр, мол, теперь моя очередь погулять. И Игорь действительно пришел, да только за вещами. Практически с порога он сказал, что нам надо перейти на другой уровень общения (и где только подцепил эту фразу, болезный?), что хотел бы, чтобы между нами установились свободные отношения, и все такое. Мысленно я уже убила всех его потенциальных любовниц, реально же купила коньяк, икру и шоколад и мчалась по заснеженной Москве в театр «Лероле»... le rôle значит «роль», театр назвали так, на французский манер, по прихоти нашего бывшего директора и основателя, Олега Смирнова, перекочевавшего впоследствии с основным составом труппы во Францию...

Говорю же, я тогда просто оцепенела. Вдруг почувствовала, что моя жизнь рушится. Моя и без того сложная и какая-то пустая жизнь окончательно уходит из-под ног. Я дождалась, когда утихнет шум удаляющегося лифта, глубоко вздохнула и поплелась в спальню — приводить себя в порядок. Но что можно сделать с припухшими от слез веками, с мокрыми губами, по которым продолжали стекать слезы? Из зеркала на меня смотрела настоящая уродина с оттопыренными ушами, заплаканным некрасивым лицом и жалобно приподнятыми «домиком» выщипанными бровями. Жалкая брошенка! Невеселая вдова! Вот интересно, если Ванечка видит меня

такой (а мне постоянно казалось, что он где-то рядом, следит за мной, переживает), что бы он мог мне сказать? Думаю: «Плюнь и забудь. Выпей кофейку и посмотри комедию». Вот такой был мой Ванечка.

Я так и сделала. Нашла уморительные комедии с участием Паоло Вилладжо, как-то продержалась вместе с ним до вечера, потом собралась и поехала в театр. По дороге купила выпивки, закуски. Вечер должен был закончиться весело, пусть даже и со слезами моих подружек. Хороший алкоголь — он все равно расслабляет, добавляет теплых красок в жизни. Проблемы кажутся не такими серьезными, над ними в какой-то момент можно даже посмеяться!

Спектакль еще шел, когда я поднялась в гримерку Марины, которую она делила с Галей Горной. Немного прибралась, вытерла пудру со столика Гали, выдвинула из-за ширмы сервировочный столик, который, кстати, специально покупала еще сто лет тому назад для таких вот случаев, накрыла его, расставила красивые тарелочки с нарезкой, фруктами. Выложила в маленькую хрустальную вазочку икру. Приготовив все к маленькому банкету, уселась перед зеркалом и вот теперь своим отражением была довольна. Глаза блестели, губы (от жирной помады) тоже, на скулах горел, правда, какой-то болезненный румянец. Возможно, у меня в тот момент поднялась температура. На мне было красное облегающее кашемировое платье и красные замшевые сапожки. Мне бы еще белого песка на шею,

усы приклеить да белую шапочку надеть, сошла бы за Деда Мороза.

Театр зашумел, засуетился, я услышала этот характерный гул и поняла, что спектакль закончился. В коридоре затопали, захлопали дверями гримерок. Вот наконец распахнулась и наша дверь, я увидела розовое от грима и мокрое от пота лицо Марины Тряпкиной. Отличный дорогой парик с локонами восемнадцатого века был куплен, кстати говоря, на мои деньги. У остальных актрис парики были так себе, сваянные и грязноватые.

Марина бросилась меня обнимать. Я с ходу объявила ей о своем разрыве с Игорем. Она, рухнув в кресло и обмахиваясь пышным, с настоящими страусовыми перьями, веером, замотала головой. Слово «альфонс» применительно к Игорю прозвучало из ее уст, наверное, миллион раз.

Я помогла ей раздеться, она быстро освежилась в маленьком тазике за ширмой, переделась в привычные джинсы и свитер, и мы накатили по первой.

Затем заглянули еще две девочки, потом еще кто-то (разве всех упомнишь?), сказали, что топятся куда-то, тоже выпили, пощипали виноград и убежали.

Галя Горная появилась минут на десять позже Марины, тоже переделась, сказала, что хочет пить, открыла маленький холодильник и взяла прямо оттуда початую бутылочку фанты (хотя там стояло еще две, неоткрытые, я сама лично поставила их туда!), сделала несколько больших